

С точки зрения А. Камю, существует две разновидности бунта: метафизический и исторический бунт. «Метафизический бунт – это восстание человека против своего удела и против всего мироздания. Этот бунт метафизичен, поскольку оспаривает конечные цели человека и вселенной... метафизический бунтарь протестует против удела, уготованного ему как представителю рода человеческого... метафизический бунтарь заявляет, что он обделен и обманут самим мирозданием» [1, с.135]. Французский философ выделяет две важнейшие проблемы человеческой жизни, определяет их как «проблемы взбунтовавшихся» – зло и смерть. Зло, по мнению А. Камю, является причиной разрозненности людей, страдания, отчаяния. Зло лишает человеческий род единства, как следствие, гармонии и счастья. Смертная природа обрекает человека на незавершенность всех устремлений, планов, в итоге на обесмысливание жизни. Реализацией метафизического бунта, переходом от стадии собственно бунта к революции выступает исторический бунт. Как указывает А. Камю, любой бунт предполагает движение от индивидуального опыта к идее. В свою очередь революция начинается с идеи, означает включение идеи в исторический опыт.

На наш взгляд, здесь имеют место два противоречия. Первое. Исторический бунт, революция является следствием метафизического бунта. Это положение логично. С другой стороны, революция, отмечает А. Камю, уничтожает ценность бунта, поскольку она санкционирует убийство. Философ принципиально разграничивает бунт и убийство. Если метафизический бунт направлен на уничтожение старых принципов, ценностных установок, то исторический бунт, революция предполагает уничтожение и принципов, и людей. Революция претендует на абсолютное отрицание, на тотальное уничтожение. Итогом этой претензии выступает профанация первоначальной идеи. «Каждый революционер, – пишет А. Камю, – в конечном счете становится либо угнетателем, либо еретиком. В той чисто исторической вселенной, которую избрали себе бунт и революция, они оказываются перед одинаковой дилеммой: либо полицейский участок, либо сумасшедший дом» [1, с.312]. Таким образом, бунт отрицает, уничтожает и своего носителя, и самого себя. Второе противоречие. Целью бунта является свобода. Однако, с точки зрения французского философа, свобода должна быть относительной. То есть, человек бунтует во имя относительности. Предельная, абсолютная свобода есть вседозволенность. Фактически это свобода убивать. Зафиксируем еще раз: А. Камю выступает противником абсолютизации свободы. «Во имя совсем иной ценности, – пишет философ, – бунтарь утверждает невозможность тотальной свободы, в то же время требуя для себя свободы относительной, необходимой для того, чтобы осознать эту невозможность» [1, с.340].

В итоге выделим ряд положений. Продолжая традиции западноевропейской философии XIX века, западные философы XX века исследуют проблему сущности человека, линию взаимоотношений отдельно взятого человека, личности и общества в целом. Западная философия XX века, в первую очередь западноевропейский экзистенциализм, в контексте данных исследований акцентирует проблемы отчуждения и маргинальности. Возникает парадокс. С одной стороны, западные мыслители XX века демонстрируют негативное отношение к социуму. Фактически они выводят типаж маргинальной личности, носителя ценностной системы, в основе которой находятся одиночество, бунт и свобода. С другой стороны, ведут речь о необходимости соединения человека с обществом, со всем сущим. В частности, А. Камю утверждает «единственную» ценность – «всеобъемлющую сопричастность». Таким образом, человек в западной философии XX века действительно, как говорит А. Камю, «разрывается» двумя тенденциями: жадной соединения и осознанием его невозможности. «Абсурдный», «бунтующий» человек поглощается абсурдом, бунтом, будучи не в состоянии его изжить.

Источники и литература

1. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство: Пер. с фр. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
2. Фромм Э. Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии / Пер. с англ. – М.: Высш. шк., 1992. – 143 с.

Кузьмин Н.Н.

КОГНИТИВНЫЙ ПОВОРОТ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Анализируя изменения, происходившие в гуманитарном знании второй половины XX в., нельзя не остановиться на формировании во многих гуманитарных науках особых исследовательских направлений, суть которых - в привлечении в качестве основного объяснительного фактора представлений, идей, верований, знаний действующих субъектов. Актуальность изучения данной проблемы, на наш взгляд состоит в том, что именно когнитивный подход является наиболее научно-корректной основой антропологизации социальных, политических, культурологических, исторических исследований. Наиболее яркое выражение когнитивного поворота это когнитивная психология. Но разрешение основной задачи настоящего исследования, – комплексного анализа когнитивного поворота в гуманитарных науках, - мы начнем не с психологии, а с базиса знаний о человеке – с философии.

Несмотря на центральное место, которое издавна занимает в ней изучение субъективной реальности, до XX в. внимание философов фокусировалось главным образом на проблемах адекватности познания, взаимоотношения рациональной и эмоциональной сторон психики, изучении структуры познавательной деятельности. Классическая теория познания (Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Дж. Локк, Д. Беркли, И. Кант, И. Г. Фихте) магистральной линией выбрала абстрагирование от конкретных содержаний познавательной деятельности, сконцентрировавшись на ее формах. Можно выделить две общие черты, характеризующие изу-

чение в классической философии проблемы роли представлений субъекта в социальной жизни. Во-первых - интеллектуалистская интерпретация репрезентативной реальности (врожденные идеи, априорные формы и т.п.) и, во-вторых, негативная оценка социального содержания и обусловленности познания («идолы», предрассудки) [1, с.3]. Вследствие этого, проблема центральной роли когнитивного мира в действиях субъекта до XX в. в философии фактически не ставилась.

Развитие гуманитарного знания XX в. характеризуется усилением понимания значимости когнитивной сферы в деятельности субъекта. В первую очередь здесь следует назвать феноменологию. По замыслу Э. Гуссерля, это наука, предмет которой – многообразные виды смыслоформирования, придания смысла, понимания смысла, сочетания актов сознания, в которых формируется смысл, и понятого сформированного смысла. С точки зрения феноменологии любая предметность, любая ситуация является в сознании в качестве определенной смысловой конфигурации.

Одна из главных проблем феноменологии - обнаружение глубинных структур сознания, отвечающих за конституирование всего содержания субъективного бытия. Изучение феномена интенциональности показало первичную устремленность сознания к миру, смыслообразующее отношение к нему. Другим достижением феноменологии стала реабилитация обыденного познания, повседневности в концепции «жизненного мира», как совокупности уверенностей, образцов истолкования, которые в человеческой жизни приняты в качестве безусловно значимых и практически адекватных. Когнитивный характер жизненного мира выражается в том, что это смысловой фон всех человеческих целей и устремлений, в нем наличествуют как вещи обыденного опыта, так и культурно-исторические реалии. Концепция «жизненного мира» - это решающий шаг в преодолении дистанцирования классической философии от повседневной реальности: в феноменологии Э. Гуссерля обыденное познание получило статус равноправной реальности, социальная феноменология (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман) придала ей статус высшей реальности [2, с.40-41].

Э. Кассирер в «Опыте о человеке» показал, что мы живем не столько в физическом, сколько в символическом универсуме: «человек не может жить в мире строгих фактов или сообразно со своими непосредственными желаниями и потребностями. Он живет, скорее, среди воображаемых эмоций, в надеждах и страхах, среди иллюзий и их утрат, среди собственных фантазий и грез» [3, с.28-30].

Характерна эволюция воззрений Л. Витгенштейна, проявившаяся в переходе от формально-логических процедур рассмотрения языка к анализу его обыденного использования, к исследованию смысловых значений высказываний. В «Философских исследованиях» показано, что значение нельзя трактовать ни как определенный предмет, ни как образ сознания, ни как абстрактное свойство. Идентичность значения различных предложений заключается в их одинаковом применении [4, с.88]. Таким образом, значение, по мнению, Л. Витгенштейна – это употребление [4, с.93], то есть оно неразрывно связано с действиями.

Постпозитивистская философия науки убедительно продемонстрировала влияние теоретического знания на «создание» научных фактов, детерминацию деятельности ученых господствующими представлениями научного сообщества. То есть влияние социально-репрезентативных факторов на действия субъектов ярко проявляется и в сфере научной деятельности, где объективность является одной из главных ценностей. С точки зрения современной философии невозможно заниматься наукой без некоторого набора априорных убеждений, фундаментальных метафизических установок и ответов на вопросы о природе реальности [5, с.20]. В концепции Т. Куна переход от одной парадигмы к другой фактически означает переход научного сообщества в другой когнитивный мир, изменение системы взглядов на мир и смена стратегий познавательной деятельности в ходе научной революции означает перемещение в новую реальность [6, с.151].

Герменевтика второй половины XX в. в лице, в первую очередь, Х.-Г. Гадамера и П. Рикера перешла от истолкования текста к герменевтике субъекта, от метода понимания к выявлению условий понимания. Х.-Г. Гадамер показал, что главным условием герменевтики субъекта является понимание его как продуцирующего культурные смыслы и как продукта культурно-исторических смыслов. Способом бытия субъекта, изначальной формой исполнения человеческого существования является понимание [7, с.311], то есть деятельность субъекта в социокультурном мире изначальна является смыслообразующей. Аналогично в философии П. Рикера субъект – это субъект интерпретации, а, следовательно, место рождения значений, культурных смыслов [8]. Таким образом, можно констатировать наличие в развитии философского знания XX в. своеобразного когнитивного поворота, выразившегося в придании миру субъективных смыслов первостепенного значения в истолковании социокультурного бытия человека. Можно даже утверждать, что смысл – главная категория философии XX в.

Тенденция роста значимости исследования когнитивных элементов субъективной реальности, характерна и для других областей гуманитарного знания: психологии, социологии, культурологии, антропологии. В них, по аналогии с так называемым «лингвистическим поворотом», также можно говорить о «когнитивном повороте». Собственно говоря, эти «повороты» непосредственно коррелируют друг с другом. Использование языка – это использование концепций и конвенциональных значений, построение образа мира, которое, в свою очередь, в значительной мере предполагает наличие дискурсивной коммуникации между субъектами и интерсубъективное видение окружающей действительности.

Тенденция повышения гносеологического статуса когнитивных оснований действий субъекта в первую очередь нашла свое выражение в психологических исследованиях. Если в первой половине XX в. в психологии господствовали бихевиоризм и психоанализ, которые объединяла общая стратегия редуционизма и приоритет мотивационной сфере психики, то в середине прошлого века в психологических исследованиях произошла переориентация. Возникшая в это время когнитивная психология, постепенно преодолевала редуционизм и «компьютерную метафору» и переходила от изучения элементарных познавательных процессов к проблемам когнитивного характера человеческой деятельности и социального взаи-

модействия (У. Найссер, Дж. Брунер, Л. Фестингер, Г. Келли и др.). Здесь, в первую очередь, необходимо отметить теории когнитивного соответствия и каузальной атрибуции, исследования процессов категоризации и социальной перцепции [9, с.126-260]. В последней трети XX в. эта тенденция нашла свое выражение в концепции социальных представлений С. Московичи и его школы, теории социальной идентичности Г. Теджфела и Дж. Тернера, в дискурс-анализе Р. Харре, для которых уже характерны попытки выхода на макросоциальные процессы и явления.

Для культурологии и культурной антропологии XX в. характерен постепенный переход от понимания культуры как независимого от субъекта образования, определяющего структурно-функциональные характеристики социокультурного бытия (культура как нормативная, ценностная, поведенческая или адаптивная система), к осмыслению культуры как репрезентативного феномена, идеализированной когнитивной системы, существующей в первую очередь в умах индивидуальных членов общества. В рамках когнитивного направления в культурной антропологии культура рассматривается как способ познания и ментального структурирования окружающей среды и как система символов, структурирующих человеческую деятельность [10, с.89]. Наиболее характерны в этом смысле взгляды К. Гирца, представителя интерпретативного направления в культурной антропологии, который определяет культуру как набор контрольных механизмов – планов, правил, инструкций, управляющих поведением [11, с.127]. Причем, существование культуры, по мнению К. Гирца, есть процесс ее интерпретации, быть носителем культуры – означает ее интерпретировать [10, с.151]. Данные тенденции нашли свое воплощение в теории схем Д. Рамельхарт, концепциях культурного познания Б. Шоур и когнитивной деятельности Дж. Фодора.

В истории теоретической социологии традиция использования репрезентативных элементов социальной жизни для понимания и объяснения социальной реальности имеет глубокую историю. Еще О. Конт, формулируя закон трех стадий, фактически связал смену этапов прогрессивной эволюции с изменением господствующего мировоззрения. В центре внимания Э. Дюркгейма были так называемые «коллективные представления». М. Вебер утверждал, что объяснить социальное действие можно лишь обратившись к смыслу, который оно имеет для действующего субъекта [12, с.602-603]. Символический интеракционизм развивал идею о центральной роли в социальном взаимодействии значений, которые приписывает субъект объектам социального окружения. С точки зрения Г. Блумера, поведение человека не является результатом давления окружающей среды, внешних стимулов. Действия субъекта основываются на его интерпретации вещей [13, с.175-176].

Но, несмотря на обилие предтеч, исследования социальной репрезентации в социологии имели скорее маргинальный характер. Лишь в последней трети XX в. эта тенденция в социологической мысли вышла на первый план. Большинство представителей современной социальной теории (Э. Гидденс, П. Бурдьё, П. Бергер, Т. Лукман, Р. Бхаскар, П. Штомпка, К. Эдер, У. Аутвейт, П. Уинч и др.), постоянно подчеркивают, что основанием действительных социальных субъектов являются различные репрезентативные элементы: идеи, верования, стереотипы, нормы, ценности, представления, «повседневные теории», смыслы, значения, интерпретативные и перцептивные схемы, установки и т.д.

С точки зрения П. Бурдьё, социальную активность определяет *habitus* – присущая субъекту предрасположенность действовать определенным образом, совокупность структурированных и одновременно структурирующих ментальных предрасположенностей [14, с.16]. Центральным положением современной социальной феноменологии (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман) является утверждение, что социальная реальность конституируется сознанием составляющих ее людей. Рой Бхаскар утверждает, что социальные структуры, поскольку они существуют благодаря видам деятельности, направляемым ими, не могут существовать независимо от идей, имеющихся у субъектов, относительно того, что они делают [15, с.231]. П. Штомпка также утверждает, что операции деятельности и практики «погружены в море сознания», в среду мыслей, верований, идей, а потенциальные возможности деятельности субъектов в значительной степени зависят от того, «что люди в данном обществе думают и во что верят» [16, с.279-280]. Обобщением вышесказанного может служить утверждение П. Уинча, что социальные отношения являются выражением идей о реальности [17, с.17].

В заключении хотелось бы остановиться на несколько неожиданном, но, учитывая проанализированные выше тенденции, вполне закономерном проявлении когнитивного поворота. Речь идет о географии, где сформировалось особое направление – «география перцепции», в рамках которой концентрируется внимание на образах пространства в сознании людей. Социально-политическое пространство в этом смысле является «идеологической категорией» (А. В. Мерфи), а отдельные локальные места наполнены политическими значениями [18, с.118-119]. Д. Н. Замятин, развивающий в настоящее время концепцию географических образов, показал, что предметом исследования в географической науке являются не только реальные географические объекты, но и образы, существующие в «анаморфированном географическом пространстве» и представляющие собой специфическое географическое знание [19, с.154]. Образно-географические исследования, то есть изучение репрезентативных и нарративных выражений географических объектов, согласно данной концепции, являются мостом между естественнонаучным и гуманитарным знанием в географии, развивают географическую науку в глубину [там же, с.164].

Таким образом, вторая половина XX в. в гуманитарных науках характеризуется возникновением целого ряда исследовательских направлений, ставящих во главу угла когнитивный мир субъекта. Данный когнитивный поворот, во многом, стал основой развития гуманитарных наук в последние десятилетия и не исчерпал себя в настоящее время.

Источники и литература

1. Познание в социальном контексте. – М.: Инст-т философии РАН, 1994. – 174 с.

2. Бергер П. Лукман Т. Соціальне конструювання реальності. Трактат по соціології знання: Пер. с англ. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
3. Кассирер Э. Опыт о человеке: введение философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988.
4. Витгенштейн Л. Философские работы: Пер. с нем. – М.: ГНОЗИС, 1994. – 612 с.
5. Гроф С. За пределами мозга: Пер. с англ. - 2-е изд. – М.: Изд-во Трансперсонального института, 1993. – 504 с.
6. Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 608 с.
7. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: Пер с нем. – М.: Прогресс, 1988. – 699 с.
8. Рікер П. Сам як інший: Пер.із.фр. – К.: Дух і Літера, 2002. – 458 с.
9. Андреева Г.М. Социальное познание: проблемы и перспективы. – М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 1999. – 416 с.
10. Лурье С.В. Историческая этнология. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 448 с.
11. Гирц К. Влияние концепции культуры на концепцию человека: Пер с англ. // Антология исследований культуры. - Т. 1. Интерпретация культуры. – С.-Пб.: Университетская книга, 1997. – С.115–138.
12. Вебер М. Избранные произведения: Пер с нем. - М.: Прогресс, 1990. – 804 с.
13. Блумер Г. Общество как символическая интеракция: Пер с англ. // Современная зарубежная социальная психология. Тексты / Под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Петровской. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 173–181.
14. Бурдьё П. Структуры, habitus, практики: Пер. с англ. // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас: Учеб. пособие. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. – С.16–39.
15. Бхаскар Р. Общества: Пер. с англ. // Социо-Логос. – М.: Прогресс, 1991. – С. 219–240.
16. Штомпка П. Социология социальных изменений: Пер. с англ. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
17. Уинч П. Идея социальной науки и ее отношение к философии. - М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – 176 с.
18. Зарицький Т. Теоретичні засади вивчення диференціації суспільно-політичного простору // Глобалізація. Регіоналізація. Регіональна політика. - Луганськ: Альма матер – Знання, 2002. – С. – 112-130.
19. Замятин Д.Н. Географические образы. – М., 2000. – 166 с.

Черенков М.М.

ГУМАНІЗМ ТА РЕФОРМАЦІЯ: ДО ЛОГІКИ СПІВВІДНОШЕННЯ

Епоха Відродження дала потужні культурні імпульси для формування європейської цивілізації, гуманістичний і реформаційний рухи змінили напрямок її розвитку. Оголосивши попередній період середньовіччя "темним століттям" і розглядаючи себе як наступників і хранителів антично-християнського синтезу, гуманісти і реформатори протипоставили відмираючим духовним цінностям періоду безособової корпоративності ідею вільної особи, що самовизначається у творчості і вірі. Якщо дошукатися до найбільш виразного прояву ренесансного духу у філософській та богословській думці, то навіряд чи можна засумніватися в тому, що на першому місці повинна бути поставлена його антропологія - розгляд проблеми людини: його природи, гідності, його унікального положення в світі, цінності його індивідуальності.

Дослідження ренесансних уявлень про людину через співставлення гуманістичної та реформаційної традицій набуває особливої актуальності в контексті сучасної критики людини і її традиційних концепцій, що знаходить відображення у парадигмах типу «пост», зокрема, у постгуманізмі і постхристиянстві.

Саме в такому ракурсі проблема вивчається сучасними дослідниками [1–3; 9]. Однак при тотальній деконструкції кожної традиції окремо, логіка співвідношення гуманізму і реформації залишається поза увагою, між тим саме в їх співвідношенні і зв'язаності криється евристичний потенціал для метасинтезу. Здається саме через компаративну аналітику ренесансних течій можлива філософсько-історична реконструкція перипетій становлення європейської людини і навернення до її аутентичного розуміння, характерного для пізнього Відродження.

Метою статті є прояснення логіки співвідношення ідей гуманізму та Реформації у єдиному соціокультурному контексті.

У зарубіжній історіографії і по теперішній час гостро дискутується питання об суть гуманізму як історичного явища. Сучасний дослідник даної проблеми А. Маграт виділяє два основних напрями в розумінні гуманістичного руху (згідно першому, гуманізм розглядався як під'юм класичних наук, згідно другому, гуманізм був новою філософською системою) і вказав на їх серйозні недоліки [6]. Він відзначив, що гуманізм як рух такий багатоликий, що практично будь-яке узагальнення веде до спотворення суті цього явища.

Більшість істориків продовжують дотримуватися другого напрямку, що розвинувся під сильним впливом ідей Я. Буркхардта. Саме у цей період, на думку Буркхардта, людські істоти вперше стали усвідомлювати себе індивідуальностями.